

Провокация

Автор:

[Макс Арно](#)

Провокация

Макс Арно

Макс Арно

Провокация

Глава 1

Кинув быстрый взгляд в видеоискатель, Вальтер Нидерганг убедился в том, что за ним нет слежки. Так же, как и в предыдущие разы, он не заметил ничего подозрительного. Он вытер мокрый от пота лоб и продолжал ехать на небольшой скорости по направлению к центральному вокзалу.

Это был крепко скроенный человек, начинающий толстеть, с красным, загорелым лицом. Его светлые с рыжиной волосы и очень светлые голубые глаза указывали на его германское происхождение. Фактически, Вальтер Нидерганг располагал шведским паспортом. Как профессия, на этом документе было указано: журналист. Фотографический аппарат, лежавший рядом с ним на сидении, должен был подтверждать это.

Нидерганг со вздохом снова вытер себе затылок и шею. Как все немного полные люди, он с трудом переносил изнуряющую жару, которая в Бангкоке и на Тайланде в течение трех месяцев до прихода муссонов. В течении многих недель термометр отказывался спускаться ниже тридцати пяти градусов. Любой нормальный европейский организм был мало приспособлен к подобной жаре.

Немного не доезжая до вокзала, Нидерганг повернул направо к реке. Он намного снизил скорость, чтобы убедиться, что никто не пытается следовать за ним.

На самом деле он не верил, что он может быть объектом слежки. По его мнению, для этого не было никаких разумных оснований. И уж во всяком случае, он был убежден, что принял для этого все благоразумные меры предосторожности. Он прибавил скорость. Для человека его профессии было совершенно ясно, что все эти мелкие предосторожности, в большинстве своем бесполезные, не гарантировали долголетия.

Нидерганг знал добрую дюжину людей, очень сильных и крепких, которых считали, что они обезопасили себя, и которые умерли насильственной смертью.

Вскоре он достиг Сонгвар Роада, через который он проехал, чтобы подъехать к мосту Фра Футхайодфа. Вдоль деревянной набережной располагались амбары, склады и жилые дома, и в несколько рядов стояли всевозможные средства передвижения по воде. Тут были моторные лодки, китайские джонки со сложенными парусами, простые плоскодонные барки или погруженные сампаны, которые служили жилищем для целой семьи.

Отсюда между строениями можно было видеть мутные воды Менам Чао Фрай, благородной Матери Вод, которая пересекла Бангкок прежде чем вылить свой ил на берег Сиама.

Обломки растительности, вырванной из низин, медленно проплывали мимо, по прихоти огромного, ленивого потока.

Нидерганг бросил разочарованный взгляд на сверкающую поверхность потока. Вначале он очень восхищался величественной экзотикой Чао Фрая, но потом это прошло. Он все чаще стал мечтать о прохладных и чистых потоках, извергающихся в долинах Швейцарских Альп, и в такие моменты он начинал думать, что ему пора бросить Азию с ее ужасным климатом.

Сзади по-прежнему не было ничего подозрительного. Нидерганг проехал через мост и продолжал свой путь прямо вперед. По другую сторону реки Ват Арун, храм зари, возвышал свой исполинский купол и четыре позолоченные башни.

Поворачивая головой, Нидерганг посмотрел на группу тайландцев, которые несли мешки с рисом почти такие же большие, как они сами. Он никак не мог себе представить, что народ, который едва мог прокормить себя, смог воздвигнуть такие колоссальные монументы и с такой невероятной роскошью. Тут была какая-то тайна, такая же, как и у египетских пирамид.

Количество машин становилось все меньше, и улицы, в основном, были заполнены пешеходами и велорикшами.

Помня о всех поворотах, которые он проделал, Нидерганг еще больше уверился, что никто не смог следить за ним. Он продолжал ехать вперед с сотню метров прежде чем отыскал место, где поставить машину. Выключив мотор, он продолжал еще пять минут, прежде чем выйти из машины.

Потом он смешался с толпой, держа в руке свой фотоаппарат. После нескольких шагов его рубашка и брюки стали так мокры, что их можно было бы выжать. Он достал платок и вытер пот, который заливал ему лицо. Действительно, ему было нужно назначить свидание на другой час.

Обливаясь потом и ругаясь сквозь зубы, Нидерганг дошел до угла Гароен Крунг Роанд, где начиналась ограда Большого Дворца, этого страшного смещения тайландской архитектуры и итальянского Ревесанса, построенного англичанами по желанию короля Рама Первого. С ощущением, что его тело с каждым шагом теряет влагу, он продолжал путь до ближайшего входа.

Самые пресыщенные туристы, приехавшие в Бангкок, всегда бывали поражены неопишуемым ансамблем архитектурных конструкций, составляющих Большой Дворец.

Ни одно здание на свете не может сравниться с фантастичностью ломанных крыш и стрелами, темно-синими и желтыми, цвета охры и пурпурными, шафрановыми и ярко зелеными, оранжевыми и темного золота, ярко выделяющимися на стенах ослепительной белизны под палящим солнцем. Повсюду демоны, поставленные часовыми, скалили зубы каменным слонам.

Но Нидерганг приходил сюда слишком много раз и всегда в эту отвратительную жару, чтобы испытывать хоть малейшие эмоции перед этой стеной живописью, сверкающей под солнцем. Не теряя ни секунды, он направился к Ват Фра Кео,

храму изумрудного Будды, находящемуся в центре ограды.

Некоторые туристы считали себя обязанными издавать восторженные восклицания или снимать под разными углами зрения части строений. Перед «Чакри» с его необыкновенными изогнутыми и ломанными крышами группа тайландских детей слушала объяснения учительницы.

Нидерганг сразу же заметил Бонзу в шафранового цвета одеянии, который казался погруженным в созерцательный экстаз в тени арки.

После быстрого взгляда он подошел к нему.

Бонза не пошевелился, как человек, который находится вне обыденной жизни. Вытирая потное лицо, Нидерганг указал на свой фотоаппарат.

– Мне сказали, что внутри храма запрещено производить снимки? спросил он.

Бонза очнулся от своего забытья и стал разглядывать его с безразличным видом.

– Вы опоздали, – наконец сказал он свистящим шепотом.

Нидерганг с трудом удержался от ругательства и усмехнулся.

– Предосторожности никогда не бывают лишними, – сказал он.

– А в отношении предосторожностей, вы могли бы воздержаться от того, чтобы прямо подходить ко мне, а должны были сделать вид, что интересуетесь определенным местом, как мы рекомендовали вам это сделать, – холодно заметил Бонза.

– За мной никто не следил, – уверил его Нидерганг. – Я в этом уверен. – Никогда ни в чем нельзя быть уверенным, – проговорил Бонза. – В следующий раз, когда приедете, потрудитесь скрупулезно выполнять наши инструкции.

Нидерганг выругался. Он не любил, когда с ним разговаривали таким тоном. И особенно этот макака с выбритым черепом, который был некем иным, как связным.

На лице Бонзы появилась ледяная ироническая улыбка, как будто он читал его мысли.

– Я полагаю, что вы явились сюда не только для того чтобы делать снимки храма, – заметил он. – Вы можете подать мне милостыню, за нами никто не наблюдает.

Не говоря ни слова, Нидерганг сунул руку в карман и вынул оттуда конверт, который и протянул Бонзе. Тот взял его и спрятал в складках своего одеяния.

– У нас нет инструкций для передачи лично вам, – заявил он. – Продолжайте свое обычное дело. Мы сумеем наладить с вами контакт, если будут новости. Он еле заметно наклонил свой торс для приветствия.

– Не забудьте уходя, что вы пришли сюда для репортажа, – прошептал он.

Нидерганг злобно сжал зубы, но Бонза опять принял свой отрешенный от всего земного вид, и глаза его как бы смотрели в пустоту. Нидерганг повернулся на каблуках и ничего не ответил. В самом деле, он никогда не сможет привыкнуть к этим азиатам.

В течение последующих пятнадцати минут он старался выказать большой интерес к «Чакри» и не забывал активно использовать свой фотоаппарат. Жара была еще более изнуряющей, чем в момент его прибытия сюда, и во рту у него пересохло. Он отдал все бы что угодно за стакан ледяной воды, но был вынужден продолжать играть свою игру в этой огнедышащей печи. Бонза или другой какой-нибудь статист могли наблюдать за ним, чтобы проверить, что он не ушел отсюда немедленно.

В конце концов Нидерганг решил, что с него достаточно, что он сделал все, что надо, и что он наконец без того, чтобы кто-нибудь мог обвинить его, что он не выполнил всех правил безопасности. Тяжело дыша раскаленным воздухом, как карп, вынутый из воды, он направился к выходу.

Когда он вышел за ограду, ему захотелось отправиться в одно из кафе, чтобы утолить жажду, но потом он подумал, что после того, как он напьется, он станет еще больше потеть, когда сядет в свою машину. И он решил поскорее вернуться

к себе и встать под душ, имея под рукой соответствующую бутылку жидкости.

При этой мысли Нидерганг почувствовал себя почти ожившим. Не смущаясь больше своих мокрых брюк, которые прилипли к его телу и затрудняли ему движение он ускорил шаг и направился к тому месту, где оставил машину. Быстрый осмотр окрестностей убедил его в том, что на улице было все как обычно. Он открыл дверцу машины и сел за руль.

Солнце превратило внутренность машины в духовой шкаф. Не теряя ни секунды, он открыл все окна и включил мотор.

Когда он отъезжал, молодой тайланец, сидя на велосипеде с мотором, стал выезжать со стороны пешеходной дорожки. Инстинктивно, Нидерганг вывернул руль, чтобы не наехать на него.

В тот момент, когда он оказался около дверцы машины, тайланец что-то бросил в открытое окно и до конца нажал акселератор, чтобы поскорей отъехать от него.

Раздался шипящий звук.

Нидерганг мгновенно узнал гранату, выкрашенную в черный цвет. В то время как снаряд крутился по полу и остановился около его ног, он со всей силы нажал на тормозную педаль.

Одновременно его рука потянулась к ручке дверцы. Его единственным шансом спастись было выскочить из машины до того момента, как граната взорвется.

Нидергангу понадобилась добрая половина секунды, чтобы осознать, что дверца заклинилась и больше не открывается. С бьющимся сердцем и пересохшим горлом он просунул руку наружу, чтобы оттуда открыть дверцу. Шум от сгорающего трута наполнил его уши.

Его пальцы уже нащупали ручку дверцы, когда раздался взрыв. Нидерганг не слышал ужаса воплей, изданных десятком пешеходов. В его состоянии он уже не был в силах что-либо слышать.

Самак Прамуан предчувствовал то, что должно было случиться, когда молодой тайландец на велосипеде с мотором быстро направился к машине Нидерганга.

Немного ранее он видел, как тот открывал дверцу машины и что-то делал с ее запорами, в то время как Нидерганг находился в Большом Дворце.

В течение доли секунды, когда убийца снимал предохранитель, чтобы бросить свою гранату, Самак Прамуак хотел крикнуть предупреждение Нидергангу.

Но он сразу же решил, что это была бы ошибка. Было уже слишком поздно, чтобы помешать убийце сделать это, и это только бы выдало его присутствие. Потом, он должен был лишь следить за шведом, а не защищать его. Ожидание, безусловно, поможет узнать ему много вещей.

Граната была брошена в машину и молодой тайландец поспешил уехать, чтобы избежать смертельной опасности от взрыва.

Не теряя ни секунды, Самак Прамуак, в свою очередь, отъехал, инстинктивно втягивая голову в плечи.

Чтобы проследить за Нидергангом так, чтобы тот не заметил этого, они занялись этим вдвоем, каждый на велосипеде с мотором.

В настоящий момент его компаньон находился внутри Большого Дворца, чтобы наблюдать за персоной, с которой швед вошел в контакт. Дав убийце немного отъехать вперед, Самак Прамуак подумал, что тот вряд ли действовал один.

Взрыв гранаты раздался, как выстрел, в раскаленный воздух. Осколки летели во все стороны, раздались крики и вопли. Самак дал полный газ и свернул в сторону, чтобы не наехать на женщину, бежавшую к шоссе. Восстановив свое равновесие, он повернул голову и бросил быстрый взгляд назад.

Машина Нидерганга была окутана плотным слоем дыма, среди которого прорывались языки пламени. Было мало надежды на то, чтобы швед мог выжить. Убийца повернул на Банмо Род и несся со всей скоростью по направлению к центру.

Никто не подозревал об его действии и никто не собирался его задерживать.

После поворота Самак тоже нажал на газ до отказа, чтобы не потерять его из виду.

К счастью, его мотор был такой же мощности, как и у убийцы. Было мало вероятным, что ему удастся обогнать его, если только не случится какого-либо происшествия.

Основной риск заключается в том, что убийца может быть охраняемым своими сообщниками, расположенными поблизости от места свидания. В таком случае они заметили, что за ним проследили.

С самого начала погони Самак не переставал бросать взгляды на зеркальце, прикрепленное к рулю. По-видимому никто не бросился вслед за ним. Но это ничего не означало, так как он сам сумел так проследить за Нидергангом, что тот его не заметил, благодаря множеству мер предосторожности, которые он принял.

Убийца замедлил ход. По всей вероятности он считал, что он уже вне всякой опасности, и не хотел привлекать к себе внимания в случае дорожного происшествия.

Самак последовал его примеру, все время оставляя между ними определенную дистанцию.

Доехав до начала Райадамнер-авеню, убийца повернул в направлении Ракавалее, театра классического танца Тайланда. Он проехал мимо него и направился в квартал больших отелей и роскошных магазинов. Он ехал теперь, не превышая установленной скорости.

Немного не доезжая до Ват Тримитр, храма Золотого Будды, напротив центрального вокзала беглец замедлил ход и остановился, наконец, около длинного тротуара.

Самак видел, как тот сошел с велосипеда, который он поставил на подпорку, и направился к магазину антикварных изделий.

Прежде чем войти в него, убийца бросил внимательный взгляд вокруг себя.

Самак с улыбкой сказал себе, что ему пора сделать то же самое, и он, проскользнул между двумя машинами, остановил свой велосипед и выключил мотор.

После небольшого размышления он пришел к выводу, что убийца, вероятно, теперь отчитывается перед тем, кто его ожидал.

Он решил, что у него у самого, вероятно, теперь больше времени, чтобы позвонить по телефону, прежде, чем снова пуститься по следам убийцы.

Во всяком случае нужно было действовать быстро на случай, если убийца появится раньше, чем он того ожидал. Ставя свой велосипед на подпорку, Самак внимательно оглядел улицу. В Бангкоке не существует телефонных кабин, а в любом магазине имеется телефон, который хозяин охотно предоставляет своим клиентам для разговоров. Самак приглядел один бар на расстоянии пятидесяти метров на противоположной стороне улицы. Он уже бывал там и он помнил, что видел там телефонную кабину. Это видел там телефонную кабину. Это отлично подходило для того разговора, который он собирается вести. Он быстро пересек улицу. Бар был пуст. Самак заказал себе кофе и направился к телефонной кабине, находящейся в глубине зала. Она была свободна. Он вошел в нее, старательно закрыл дверь и набрал номер, состоящий из пяти цифр. Трубку сняли после второго звонка. Он узнал голос своего собеседника. – У аппарата Самак, – сказал он по-английски. – Есть Новости.

Он коротко рассказал о мерах, принятых им, которые позволили ему последовать за Нидергангом не замеченным им до Большого Дворца. Он рассказал, что, наблюдая за машиной шведа, он видел, как испортили запор дверцы и о последующих действиях.

Он закончил рассказ о своем преследовании убийцы до антикварного магазина.

– Этот тип, безусловно, занят тем, что отдает рапорт о своих действиях, – закончил он. – Судя по всем его поступкам, это профессиональный убийца. Это, без сомнения, не убийца-одиночка, которые убивают европейцев ради агитации. Нидерганг был профессионально выслежен. Наступило короткое молчание.

– А вас видели, когда вы стали преследовать убийцу? – спросил его собеседник.

Самак немного поколебался.

– Это трудно сказать, – ответил он. – Если он был прикрываем одним или несколькими соучастниками на том месте, то они безусловно, меня заметили. Но мне кажется, что они вряд ли поехали за мной в свою очередь. – Может быть, но они быстро объявят тревогу.

– Без сомнения, – согласился Самак. – Но я готов идти на такой риск. – Вы думаете, что убийца может привести вас к другим членам своего общества?

Его корреспондент удивился.

– Если он приехал отдать рапорт, то это мало вероятно.

Тайландец снова заколебался.

– Во всяком случае это может помочь нам узнать его имя и где он живет, – сказал он. – Следуя принципам своей организации, другие, может быть, еще не успели дать сигнал тревоги, а в таком случае нет никакого основания беспокоиться.

Снова наступило молчание. Самак решил, что его собеседник обдумывает все за и против этого плана.

– Это вам надо решать, если это возможно, – заявил он наконец. – Но во всяком случае зря не рискуйте. Лучше пускай он уедет от вас, чем это будет грозить вам какой-нибудь опасностью. При всех обстоятельствах у нас уже есть этот антикварный магазин.

– Можете не беспокоиться, – заявил Самак. – Я буду держать вас в курсе дела.

Он повесил трубку, вышел из кабины и прошел в зал, где его ожидало кофе. Через витрину ему было видно, что веломотор убийцы не тронулся с места. Он решил оставаться внутри бара, чтобы наблюдать за его выходом. Убийца появился сразу же после его решения. Самак из предосторожности сразу же

заплатил за свое кофе и потому мог немедленно покинуть бар. Оглядев подозрительным взглядом улицу, убийца сел на велосипед.

Самак подошел к своему велосипеду и отъехал, не теряя времени. Убийца направился на Бамрунгмуанг Род, и он нажал на газ, чтобы соблюдать дистанцию и избегнуть за собой слежки.

Убийца направился к северу. Проехав мраморный путь к стадиону Райадамнерн, мимо которого он проехал как будто для того, чтобы попасть в многолюдный квартал, который простирался вдоль реки на окраине города. Самак подумал, что, вероятно, он живет здесь, и подумал также, что теперь необходимо удвоить осторожность.

Вскоре они покинули асфальтированные дороги и поехали по земляным, которые зигзагами проходили мимо хижин и сараев, выстроенных из самых различных материалов. Два раза Самак терял из виду молодого тайландца, который бросил гранату.

Потом он исчез в третий раз, и Самак был вынужден приблизиться к нему, чтобы не потерять его окончательно. Он подумал, не лучше ли бросить это преследование, пока его еще не обнаружили.

Когда он решил бросить это дело, он обнаружил убийцу менее чем в двадцати метрах от себя. Тот стоял на узкой тропинке и с любопытством смотрел в его направлении.

Самак понял, что, очертя голову, бросился в расставленную ему ловушку. Слишком поздно!

Прежде всего он успел сделать хоть один жест в свою защиту, чей-то силуэт выскочил из засады, устроенной позади массива из камней и корней деревьев. Самак почувствовал страшную боль под лопаткой от ножа, который вонзился в него, раздирая его тело, и достиг сердца.

Он умер, не издав ни звука.

Глава 2

Бонза Чикаторн представлял собой зрелище полнейшей прострации.

С глазами, устремленными в невидимую точку, он оказался погруженным в абсолютное созерцание, которого никакая материальная жизнь не могла касаться. Его лицо, гладкое и непоколебимое, имело то выражение легкого сострадания, которое замечалось на некоторых изображениях Будды или других азиатских божеств. Но на самом деле Бонза был занят весьма мирскими делами. Краем своего неподвижного взгляда он наблюдал за Нидергангом, который делал героические усилия походить на остальных туристов, которые наполняли ограду Большого Дворца.

Швед доставлял беспокойство бонзе. Как многие европейцы, прожившие слишком долго на юго-востоке Азии, он начинал поддаваться влиянию климата, а отсюда исходила опасность для организации. Та манера, с которой он явился сюда, не приняв необходимых мер предосторожности, самых элементарных, доказывала, что он уже не вполне здоровый человек.

При других обстоятельствах Чикаторн, не задумываясь, потребовал бы немедленного и полного изъятия Нидерганга. Когда какой-нибудь член заболевает гангреной, существует лишь одна возможность спасения организма. Однако, личность шведа была куда более сложной. Двойное качество белого и журналиста из совершенно нейтральной страны делали его очень трудно заменимым. Услуги, который он оказывал до сих пор, были не мало важны, и те, которые он еще должен будет оказывать, должны быть еще важнее.

Нидерганг исчез из поля зрения бонзы до того, как тот пришел к какому-либо решению на его счет. И окончательное решение будет зависеть от содержания конверта. Если последнее отвечало тому, что от него ожидали, то толстый журналист еще понадобится им. Во всяком случае, он, без сомнения, еще не находится в такой стадии расслабления организма, что это могло внушать опасения. С некоторыми определенными предосторожностями может быть возможным утилизировать его до окончания этого дела.

Чикаторн подумал, что все же необходимо будет принять определенное решение.

Прошло приблизительно пять минут, как швед покинул это место, когда звук взрыва заставил задрожать нагретый воздух. Бонза не придавал этому особого значения. В течении нескольких недель происходило так, что взрывы гранат раздавались в тайландских городах. Как везде, некоторые студенты испытывали желание, чтобы о них заговорили.

Появилась группа старых англичанок с целой батареей фотокамер. Бонза вышел из своего состояния прострации и перешел на другую сторону. Он совершенно не жаждал быть сфотографированным или отвечать на многочисленные вопросы туристов. Потом Нидерганг уже ушел достаточно давно для того, чтобы он мог последовать его примеру, не опасаясь ничего. Чем скорее будет раскрыто содержание конверта, тем будет лучше.

Чикаторн расправил складки своей одежды на левом плече и удалился своей птичьей походкой, чтобы обойти «Чакри». Он вышел из ограды через главные ворота и направился к берегу Чао Фрайа.

Группа людей собралась на Магарадж Рoad.

Вдалеке слышалась сирена полицейской машины.

Движимый любопытством, Чикаторн приблизился. Толпа как раз намного расступилась, чтобы дать проход человеку с небольшим чемоданчиком врача.

С большим огорчением бонза узнал машину Нидерганга. Небольшое пламя вырывалось из мотора посредине черного дыма. Чикаторн не мог увидеть, что же случилось со шведом, так как он не хотел сходить с пешеходной дорожки, чтобы его заметили.

Во всяком случае, судя по состоянию машины от шведа должно остаться очень немного.

Все окружавшие машину люди обсуждали происшествие, подкрепленные сведениями редких свидетелей, которые что-то заметили.

Чикаторн смог понять из этих разговоров, что молодой человек на велосипеде бросил гранату в машину, а потом умчался по направлению моста Фра

Футхайодфа.

С разными вариантами свидетели говорили то же самое.

Страшно обеспокоенный бонза удалился от места скопления народа.оборот, который приняло дело, ему совершенно не нравился.

Значит, его опасения относительно Нидерганга подтвердились. Тем или иным образом, тот должен был совершить неосторожности, которые погубили его. Но все же не это было самым главным.

Недавно были даны формальные инструкции, чтобы были отмечены лишь члены американских организаций или их известных сообщников, значит, было мало оснований думать, что журналист явился жертвой этой организации.

С другой стороны, если предположить, что Нидерганг был демаскирован, эта ликвидация была совершенно не в стиле обычных действий секретной полиции Америки.

Обычно люди, от которых они хотели избавиться, становились жертвами несчастных случаев или «кончали самоубийством», или просто исчезали, и о них больше никогда не говорили. К тому же, они сперва старались получить все возможные сведения от человека, которого хотели уничтожить.

Чикаторн почувствовал, как его тревога резко возрастает. Покушение могло означать, что было известно достаточно много, что не было необходимости спрашивать журналиста.

При этой мысли бонза чуть не лишился остатков спокойствия. В сущности, его собственная жизнь стоили не больше, чем зернышко риса, но существовал конверт. И Нидерганг настаивал на том, что там содержались очень важные сведения.

Чикаторн должен был бороться с желанием обернуться, чтобы посмотреть, не следит ли кто-нибудь за ним. У него было очень неприятное ощущение, что внимательные глаза непрерывно следят за ним и ни на секунду не выпускают его из вида, в то время как он заставлял себя идти спокойно.

Он стал лихорадочно соображать. Нормально было предположить, что те, которые напали на журналиста, знают, что они встретились. Тут могли существовать лишь две гипотезы. Или они намеревались проследить за ним до того места, куда он отнесет конверт, или они собираются также убить его, чтобы отнять у него этот самый конверт.

В обоих случаях нужно было найти возможность отдать конверт нужному лицу, не подвергая его опасностям и не подводя Организацию. Проблема почти не выполнимая.

Дойдя до этого пункта в своих размышлениях, Чикаторн почувствовал состояние лангуста, попавшего в ловушку. Очень неприятное ощущение.

И он принял решение во что бы то ни стало разорвать невидимые сети, окружившие его, сети, которые он ощущал почти физически.

Киан Ватенак долго торговался у лотка торговца, расположенного прямо на тротуаре у дороги, проходящей вдоль берега реки, когда Вальтер Нидерганг вернулся к своей машине.

Предметом торговли была одна статуэтка, которые выделывают местные жители и которые туристы выдают за подлинные произведения. Киан Ватенак уже сумел убедить торговца снизить цену на три четверти, что оставляло продавцу еще порядочный заработок.

В такой стадии торговля уже прекратилась, и время уже проходило в разговорах на различные темы.

Киан краешком глаза наблюдал отъезд тайландца на велосипеде с мотором. Он видел, как тот сунул руку в карман и вынул гранату, которую снял с предохранителя.

- Я возьму ее, - проговорил он.

Он с глубоким вздохом взял статуэтку.

- Но это лишь потому, что я обещал своему белому другу найти такую.

Продавец казался обиженным.

– За такую цену ваш друг сделал хорошее приобретение, – уверял он. – Я почти потерял на ней.

Киан протянул ему два билета, не переставая наблюдать за улицей. Убийца устремился к машине Нидерганга, чтобы бросить свою гранату. Вот он изо всех сил нажал на газ, чтобы подальше удалиться от него. Неожиданно улыбка Киана погасла. Другой велосипедист, которого он раньше не замечал, последовал за убийцей.

– Завернуть ее вам? – предложил продавец.

– Не нужно, – ответил Киан. – Большое спасибо.

Он коротко кивнул головой и отвернулся.

План не предусматривал того, чтобы двое напали на Нидерганга, а в таком случае, это означало, что второй наблюдатель также следил за журналистом по поручению кого-то другого.

Наморщив лоб, Киан сообразил, что было бы бесполезно в свою очередь бросаться по их следам. Они слишком далеко уже уехали, и единственным результатом этого можно было привлечь к себе внимание. Это было бы совсем глупо.

Несмотря на то, что он ждал этого, взрыв гранаты заставил его вздрогнуть. В то время, как отовсюду раздавались крики, на его лице появилась тонкая улыбка, когда он смотрел на машину, из которой вырывалось пламя и густое облако дыма.

Нидергангу не удалось выскочить из машины.

Люди бежали со всех сторон и что-то кричали. Киан воспользовался тем, что все смотрели на горящую машину, чтобы избавиться от статуэтки, и бросил ее в мусорный ящик.

Потом он быстро перешел через улицу в направлении магазинов. Появление на сцене неизвестного, который устремился вслед за убийцей, совершенно изменило ситуацию. Если этот последний не заметит, что за ним следят, то существовала возможность, что он отправится прямо на условную явку, так что было необходимо как можно скорее объявить тревогу.

Киан приближался к лавке пряностей, хозяин и служащие которой вышли посмотреть на причину такого шума. Он попросил у хозяина разрешения позвонить по телефону, что ему было разрешено сделать.

Телефон находился в самой лавке, но любопытство хозяина было слишком сильным, чтобы он бросил свой наблюдательный пост.

Киан мог совершенно спокойно говорить по телефону. Его собеседник заверил его, что все необходимое будет сделано, и что ничего не менялось из ранее намеченного плана. Во всяком случае, в отношении его.

Перед уходом из лавки он сунул билет в один бат под аппарат, заплатив за свой разговор. Потом он поблагодарил хозяина, который вытягивал шею, чтобы разглядеть что-нибудь, и быстрыми шагами направился к ограде Большого Дворца.

Дойдя до угла Чароен Крунг Род, он прошел еще около двадцати метров и остановился для созерцания витрины торговца «Куриос».

Бонза Чикаторн появился несколькими минутами позже. Киан заметил, что у него очень смешная утиная походка, и что он очень торопится, используя витрину магазина, как зеркало, он внимательно посмотрел на людей, которые шли за бонзой.

Первое, что он заметил, ему не понравилось. Фулонг, которому было поручено следить за бонзой, находился от него далеко сзади.

Киан нахмурил брови. Фулонг был очень аккуратным человеком, строго выполнявшим все указания, и, кроме того, обладал необыкновенной ловкостью, что позволяло ему выслеживать людей в самых трудных условиях и не быть замеченным ими. Если Фулонг считал необходимым выдерживать такую большую дистанцию между ним и бонзой, значит, для того имелись солидные

основания. Все еще пользуясь витриной магазина для наблюдения, а потом еще более удобной витриной, расположенной на углу улицы, Киан вскоре обнаружил эти основания. Вторая персона тоже следила за бонзой метрах в тридцати от него. Все это было очень некстати!

Киан закурил сигарету и углубился в размышления по этому новому аспекту проблемы.

Человек, который следил за бонзой, был тайландцем лет тридцати, с легкой походкой видимо, профессионал. Весь вопрос состоял в том, является ли он прикрытием бонзы или преследует те же цели, что и они. После того, как он взвесил все за и против, Киан решил остановиться на второй гипотезе, считая ее более правдоподобной, и, кроме того, это облегчало им их задачу.

Небрежно затягиваясь дымом сигареты, он поравнялся с Фулонгом.

– За бонзой следят, – прошептал тот, когда они шли несколько шагов вместе.

– Я его видел, – ответил Киан. – Больше ничего?

Фулонг отрицательно покачал головой.

Киан в нескольких словах рассказал ему, как прошло покушение на Нидерганга, и сказал ему про телефонный звонок.

– Какие будут инструкции? – спросил Фулонг. – Без изменения, – ответил Киан прежде чем удалился.

Тан Нийом догадался о том, что произошло, когда увидел толпу людей, окруживших машину Нидерганга. Он поискал Симака Прамуака и, не увидев его, почувствовал некоторое беспокойство. Подумав хорошенько, он решил, что тот, видимо, обнаружил автора покушения и бросился по его следам.

Бонза приблизился к толпе, окружавшей дымящийся каркас машины Нидерганга. Он, без сомнения, хотел узнать, что же произошло. После этого, вероятно, он станет подозрительней и примет необходимые меры предосторожности.

Тан Задумчиво нахмурил лоб. Покушение на Нидерганга интриговало его в большей степени. Первое объяснение этому было, что он был ликвидирован по распоряжению организации, в которой он работал, потому что они обнаружили, что он раскрыт. Чикаторн, вероятно, пришел убедиться в том, что он не избежал смерти.

Но существовало также и другое предположение, и Тан с беспокойством рассмотрел его.

В этом случае можно было предположить, что бонза тоже был намечен.

С включенной сиреной подъехала полицейская машина. Многие Полицейские уже прибыли раньше и теперь отодвигали назад толпу любопытных, которые без конца прибывали.

Тан подозрительно огляделся кругом.

Если бонза находился на одной доске с Нидергангом, вероятнее всего, с ним не замедлят поступить так же, как и с журналистом. Значит, он будет первый, кто должен будет локализовать убийц, намеченных на операцию. Он не заметил ничего ненормального, и это немного его успокоило.

Бонза обошел толпу. Тан подошел к продавцу, лоток которого стоял на тротуаре, и сделал вид, что заинтересовался статуэтками, стоявшими вокруг толстого Будды, изображавшего того, который находился в Бат Тримитр. Он подумал, что присутствие Самака было бы очень желательным, чтобы проследить за бонзой, и исключало бы риск быть обнаруженным.

Что бы там не было, он должен был действовать один, и ему незачем было жалеть об отсутствии своего компаньона. Все, что он мог сделать, это молиться, чтобы его не затащили бы в какую-нибудь ловушку.

Бонза достиг ограды Дворца и решил идти около нее, оставаясь на Магарадж Роад.

Тан последовал за ним на некотором расстоянии.

Даже среди толпы шафрановое одеяние бонзы было так заметно, что он не боялся потерять его из вида.

После Большого Дворца бонза продолжал свой путь через центральный рынок, в настоящий момент совершенно безлюдный. Немного не доходя до национального музея, он заколебался и неожиданно свернул к одному из бесчисленных деревянных мостков, которые служили пристанью для рыбаков и для барок торговцев рыбой. После быстрого взгляда назад он стал торговаться со старым тайландцем, совершенно сморщенным, который собирался отплыть на старой барке. Вскоре бонза прыгнул в барку.

Тан стал быстро соображать. Единственной возможностью проследить за баркой было тоже воспользоваться какой-нибудь лодкой.

Для этого ему достаточно было обратиться к какому-нибудь рыбаку и предложить ему двойную или тройную плату, чтобы он согласился проследовать за баркой, на которой отплыл бонза.

Во всяком случае, такое действие с его стороны представляло серьезное неудобство, так как бонза сразу же обнаружил бы, что за ним следят.

Пока барка удалялась от берега сильными взмахами весел, Тан подумал, что наилучшим выходом из положения будет нанять моторную лодку. Таким образом, он сможет пересечь реку в несколько минут и причалить намного раньше бонзы и, таким образом, не будучи замеченным им, продолжать свою слежку за ним.

Тан решил пройти вдоль доков до конца Фра Атхит, где множество тайландцев причаливают свои моторные лодки, в том числе и более солидные суда, способные выдержать большие волны. Это было бы дьявольским невезением, если ему не удастся уговорить кого-нибудь из рыбаков. После последнего взгляда на бонзу, сидевшего посередине маленькой барки, Тан быстро направился по направлению пристани.

Он уже почти дошел до угла, когда ощущение неотвратимой опасности заставило его откинуться назад.

Раздался глухой звук «плоф», и пуля просвистела мимо него. Он имел достаточно времени, чтобы увидеть человека, который промазал по нему, благодаря его неожиданному скачку назад, и он быстро схватился за свое оружие.

Слишком поздно!

Странное видение промелькнуло в его мозгу, в то время как вторая пуля попала ему прямо между глаз.

Бонза воспользовался моментом, когда барка качнулась, чтобы бросить взгляд в направлении берега, и сделал это так незаметно, что не видно было, что он поворачивает голову.

Человека, которого он видел несколько раз позади себя, больше не было на берегу в том месте, где он его видел в последний раз после отплытия.

Не дрогнув ни одним мускулом лица, выдавшим бы его мысли и беспокойства, он думал о том, как ему расценивать это исчезновение: как плохое или хорошее. Очень возможно, что его тоже скоро могут захватить. Равномерно двигая своими длинными веслами, старый тайланец в конической шапочке направлял свое судно к Бат Арун.

Треть пути уже была пройдена.

Бонза подумал о возможностях своих преследователей. Первая возможность была в том, чтобы воспользоваться услугами перевозчика, но это также имело и свои неудобства. Действуя таким образом неизвестный автоматически выдавал свои намерения. Чикаторн подумал, что он, вероятнее всего, воспользуется моторной лодкой, более быстрой и удобной. Их было целое множество, которые циркулировали по реке.

Но в некотором смысле река была более надежным местом. Бонза ничего не боялся на воде. Правда, нападение для опытного убийцы не составляло никакой проблемы, но Чикаторн не думал, что они решатся на это. Тут действительно было слишком много народу, и они вынуждены были бы действовать, ничем не прикрываясь и с риском, что более быстрое судно может захватить их в свою очередь.

Потом, у бонзы уже был готов план действий. Как раз около Бат Арун существовал маленький храм, где жило несколько дюжин монахов. Некоторые из них были ему неизвестны.

Ему не составит никакого труда найти между ними нужного человека. Среди них многие действовали вроде него, так что ему не будет трудно раствориться между ними.

Какое-то быстрое судно отчалило от берега и направилось прямо на барку, вздымая вокруг себя волны.

Бонза с подозрением смотрел на приближавшуюся моторную лодку. На ее борту находилось два человека, и никто из них не был похож на того, кого он заметил раньше на берегу.

Вместо того, чтобы успокоиться, бонза почувствовал страшное беспокойство. Что-то, что он не мог бы объяснить, говорило ему, что эти два человека направляются прямо к нему. Он сразу же подумал о конверте, спрятанном в складках его одежды.

Старый лодочник продолжал грести с прежней невозмутимостью. Он еще ничего не понял. Бонза твердо понял, что ему надлежит сделать.

Около того места, где он сидел, планка внутренней обшивки лодки немного отошла.

Стараясь действовать так, чтобы его жесты были не заметны, бонза быстро сложил конверт в четыре раза по длине, потом, внешне он по-прежнему казался неподвижным, он сунул его за планку так, чтобы его совсем не было видно.

Моторная лодка уже находилась метрах в двадцати и маневрировала, чтобы преградить барке путь. Сопровождаемая ревом мотора, вздымая гору пены, она приблизилась в то время, как ее водитель включил задний ход, чтобы затормозить.

Заинтересованный, старый лодочник перестал грести и смотрел на моторную лодку, прищурился глазами. Что касается бонзы, то он смотрел прямо перед собой,

как будто бы он ничего не видел и не слышал. Он уже решил, как ему надо будет действовать.

Новый рев мотора, сопровождаемый ударом об лодку, и моторная лодка остановилась и стала сильно ударяться о бок барки, а лодочник стал пронзительно кричать.

- Полиция! - пролаял один из людей.

Он помахивал карточкой, которая могла быть официальным документом абонента какого угодно спортивного клуба.

В то время как его компаньон старался, чтобы оба судна держались бок о бок, он прыгнул в барку, которая чуть не перевернулась от такого толчка. Старый лодочник снова стал издавать в ужасе вопли.

- Замолчи! - закричал на него псевдополицейский. - Нас ты не интересуешь.

Вынув большой пистолет с глушителем, он наставил его на живот по-прежнему неподвижного бонзы.

- Это его мы должны задержать!

Он глухо рассмеялся.

Красноречивым жестом своего оружия он сказал на моторную лодку.

- Влезай! - приказал он. - И не пытайся сыграть с нами шутку.

Чикаторн, казалось, вышел из своего оцепенения и с вежливым удивлением посмотрел на пистолет. Он был готов держать пари на что угодно, что эти двое были полицейскими, и тот, который угрожал ему пистолетом, ни секунды не станет колебаться и опорожнит свою обойму ему а живот при малейшем подозрительном жесте.

В течение доли секунды он собирался сделать это движение, которое немедленно прекратило бы его существование на этой земле.

Потом он подумал, что это ничего бы не устроило, так как эти люди тогда, безусловно, убили бы лодочника, а это привело бы настоящую полицию, и она сунула бы нос в дела, которые должны были оставаться секретными. Живой лодочник сможет рассказать о том, что произошло, и оставался шанс, что те, которые будут обеспокоены его исчезновением, обнаружат конверт. По той причине бонза решил, что необходимо удалить обоих мужчин от барки.

– Ну, ты решился? – нетерпеливо спросил тот, который держал барку.

Чикаторн посмотрел на него с видом превосходства и ничего не ответил. С видом полной безразличности, он схватился за борт моторной лодки и без колебания скользнул в нее.

Тот, который угрожал ему пистолетом, последовал за ним и угрожающе протянул руку по направлению к старому лодочнику, который дрожал всеми своими членами.

– Убирайся! – прошипел он. – И чтобы тебя больше не видели перевозящим людей, разыскиваемых полицией.

В то время как старый лодочник схватился за весла, чтобы поскорее отплыть, водитель включил мотор и направил лодку к середине реки. От неожиданного толчка бонза потерял равновесие и оказался сидящим на полу под издевательский смех тех двоих.

Тот, который заставил его войти в моторную лодку, стал крутить пистолет в руке.

– Значит, ты надеялся, что не попадешь в нашу компанию? – спросил он.

С выражением глубокого презрения бонза выпрямился. Моторная лодка на большой скорости плыла к предместью северной части Бангкока. Прошло уже несколько минут.

– Чего вы от меня хотите? – спросил он наконец безразличным тоном. – Я ведь лишь бедный монах, совершенно незначительный.

Фальшивый полицейский прервал его ворчание:

– То, что нам нужно, это конверт, который дал тебе Нидерганг, ответил он.

Бонза с понимающим видом покачал головой и улыбнулся. За это время он рассчитал, что старый лодочник уже, безусловно, имел достаточно времени, чтобы проплыть следующую треть пути к противоположному берегу.

Даже если моторная лодка станет теперь опять преследовать его, он сумеет исчезнуть в одном из многочисленных каналов. – Вы должны были сказать об этом сразу же, – проговорил он так, как будто речь шла о самой обычной вещи. – Всегда можно договориться. Неожиданно, когда его поведение совершенно не давало повода предугадать этого, он вскочил и перекинул ногу через край моторной лодки. Он услышал злобные крики тех двух и почувствовал страшный удар в спину.

Потом воды реки сомкнулись над ним.

Глава 3

Кристиан Фови отдал свои документы лейтенанту службы безопасности. После того, как тот внимательно осмотрел их, он убедился, что имя визитера было в списке, представляемом каждый день его вниманию. Как будто этого было недостаточно, он стал выстукивать некоторые данные на клавиатуре телетайпа, расположенного рядом с письменным столом и совершенно закрытого от нескромных взоров. – Что-нибудь не так? – вежливо спросил Кристиан Фови.

– Эти средства контроля, без конца изменяющиеся и усиливающиеся, приводили его в недоумение и в полное смущение. Не то, чтобы он не признавал необходимости проверки, но он невольно с удивлением спрашивал себя, как это возможно, находить все новые вопросы.

Прошло несколько секунд, потом одна лампочка стала мигать, освещая слабым зеленым светом видимую часть клавиатуры.

Лейтенант повеселел.

– Все ясно относительно вас, сэр, – заявил он.

– А это что за новое изобретение? – поинтересовался Кристиан, указывая на телетайп.

– Система электроники, совершенно секретная, – ответил лейтенант. – Если бы не зажглась зеленая лампочка, а зажглась оранжевая, я должен был бы задержать вас до той поры, пока не проведут другие проверки.

Кристиан с понимающим видом кивнул головой.

– Имеется еще и красная, – продолжал лейтенант. – В таком случае, я должен был бы удостовериться в вашей личности и помешать вам покинуть эту комнату даже при помощи силы.

Кристиан невольно улыбнулся.

– А это часто случается? – спросил он.

Лейтенант вздохнул.

– Это уже произошло один раз, – ответил он, – при большом начальстве. Это было короткое замыкание.

Он взял пурпурный значок с двумя желтыми полосами и протянул его Кристиану.

– Это даст вам возможность циркулировать в секторе строительства, где у вас дела, – пояснил он. – Вы должны будете вернуть его при выходе в обмен на ваши бумаги.

Кристиан прикрепил значок к отвороту пиджака и направился к подъемнику, перед которым стоял на страже тип с геркулесовыми плечами. Очарованный видом значка, тот простер свою любезность до того, что открыл дверцу лифта и поклонился.

Две минуты спустя Кристиан был проведен в кабинет Броуна.

– Как поживаете? – весело осведомился он. – Судя по тому, что мне сказали, вы знаете такой фокус, который ломает все преграды.

Броун сделал гримасу.

– Не говорите мне об этом! – простонал он. Я уже начал думать, что они применят по отношению ко мне третью степень, чтобы заставить меня признаться, что я шпион.

Он с покорным видом пожал плечами.

– С некоторых пор ответственные за безопасность кажутся охваченными настоящей манией преследования.

Он вздохнул.

– Кто-нибудь изобретет новую систему контроля над предыдущим контролем. Иногда я начинаю колебаться, стоит ли мне пользоваться своей зубной щеткой, так как я боюсь, что в ее ручке спрятана телевизионная камера.

Он предложил Кристиану жестом занять одно из кресел, предназначенных для посетителей. Тот последовал приглашению, закинул ногу на ногу и поправил складку на брюках.

Это был высокий малый атлетического сложения, без единого лишнего грамма жира.

Его движения, легкие и спокойные, являлись следствием его исключительной гибкости, и его появление всегда привлекало внимание.

Его мужественное лицо выражало что-то вроде иронии, а глаза, очень светло-серые, обладали трудно переносимым взглядом. Его светлые были коротко подстрижены.

Напротив его сидел Браун, который назывался Смитом, Кларком или еще какими-нибудь другими именами в зависимости от обстоятельств, он больше чем когда-либо походил на преуспевающего делового человека, которые встречаются в административных Советах больших Обществ. Тонкие очки без оправы придавали ему интеллектуальный вид и еще больше подчеркивали испытующее выражение его лица и его живые глаза. Трудно было себе представить более разные два лица.

– В послании, которое мне было вручено, говорилось о срочном деле, заметил Кристиан в то время, как Броун читал документ, лежащий перед ним. – Мне пришлось отменить вечеринку, которая обещала быть очень результативной.

Начальник «Центрального Разведывательного Агентства» огорченно улыбнулся.

– Вы видите меня огорченным, – заявил он, – и я надеюсь, что та особа, о которой идет речь, будет всегда готова встретиться с вами, когда вы вернетесь.

Он положил листок бумаги, который держал в руке, в папку, закрыл ее и скрестил перед собой руки.

– Что вы думаете о Тайланде? – спросил он.

– Это очень красивый край с очаровательными женщинами, – ответил Кристиан. – В сущности, самое неприятное там – это жаркий климат.

– Это очень огорчительно, – сказал Броун, – но обстоятельства не позволяют мне дожидаться муссонов, чтобы послать вас туда. А кроме этого что вы знаете об этой стране?

Кристиан сделал гримасу.

– Я предполагаю, что вы не жаждете услышать от меня географический отчет, – заявил он. – В таком случае, я просто скажу вам, что Тайланд вместе с Южной Кореей представляет одного из самых верных наших северных союзников в Юго-Восточной Азии. Они символически содержат контингент войск около наших войсковых частей на юге Вьетнама, где мы построили много больших баз для самолетов и ракет, а также необходимые дороги, которые позволяют быстро

начать действия в случае нападения из Лаоса.

Он слегка заколебался.

– Конечно, все это не официальные сведения. Я только хотел этим сказать, что мы располагаем ядерным тактическим оружием, готовым к действию в случае конфликта с партизанами или с Китаем.

Броун кивнул головой.

– Ваше высказывание довольно точно характеризует настоящую ситуацию, – сказал он, – но остается один аспект, который вы не затронули.

– Вы хотите сказать, что конфликт должен уже разразиться?

Кристиан удивился.

– По последним новостям, они сделали несколько попыток в горных джунглях на севере страны поблизости от лаосской границы.

Так как Броун молча смотрел на него, он пожал плечами.

– Естественно, что существует еще спорадическая агитация, которую производят недовольные тайландцы, пытающиеся действовать через некоторые прогрессивные круги или через студентов в больших городах, – продолжал он. – Вот об этом я и хотел поговорить с вами, – вмешался Броун. – Сейчас мы так рассматриваем ситуацию. Между тем, может случиться так, что все изменится.

Кристиан стал прислушиваться с новым интересом.

– Вы находитесь ближе к событиям, чем я, чтобы судить о них, заметил он.

Броун ущипнул себя за подбородок, как будто был не совсем уверен в этом.

– Со вчерашнего дня в Бангкоке произошли странные вещи, – заявил он. – В течение нескольких часов четыре человека нашли себе смерть при

обстоятельствах довольно беспокойных.

– Это были наши люди? – спросил Кристиан.

Он нахмурил брови.

– Двое из них состояли на службе в нашем городском отделении, ответил Броун. – Им было поручено наблюдать за двумя другими, которых мы подозревали в том, что они работают на наших противников. Разговор идет об одном шведском журналисте и тайландском бонзе.

Он на секунду остановился, прежде чем продолжать.

– Эта история совсем не ясна. И весьма возможно, что за этим скрывается что-нибудь серьезное. Вот по этой причине я и посылаю вас туда. Кристиан кивнул головой. Это не было в привычках Бруна пускать в ход артиллерию по той причине, что двое человек, использованных СИА, были где-то уничтожены.

Каждый день в это учреждение доходят подобные сведения. Для того, чтобы они реагировали с такой быстротой, нужно было бы, чтобы они располагали более значительными сведениями.

– Я надеюсь, что у вас там на месте есть народ? – спросил Кристиан.

– Естественно, – поспешил заверить его Броун, чтобы покончить с этим вопросом, на который он не хотел отвечать. – Вы будете сотрудничать с ними. Они сообщат вам все подробности этого дела, а также окажут помощь, в которой вы, может быть, будете нуждаться.

Кристиан понял, что бесполезно будет настаивать. Или Броун притворяется незнающим, или он выдаст ему классическую фразу о том, что он не хотел бы оказывать на него влияние предвзятым мнением. И это было бы не в первый раз.

– Какое у меня будет прикрытие? – только спросил он.

– Вы будете офицером войскового подразделения во Вьетнаме в отпуске, – пояснил Броун. – Это откроет для вас большинство дверей и позволит

передвигаться, не привлекая к себе внимания.

Хитрое выражение промелькнуло в его глазах позади очков стекол.

– И в то же время это позволит вам избежать нежелательных контактов с властями Тайланда, – добавил он. – Секретные службы Бангкока никогда не отказывали нам в конспирировании, но иногда они становятся стеснительно подозрительными. В особенности, когда у них создается впечатление, что мы оставляем их вне дела.

– Трудно упрекать их в этом, – заметил Кристиан. – Я не думаю, чтобы СИА или ФБР оценили бы в такой степени, если бы обратное произошло в Вашингтоне или в Лос-Анджелесе.

Броун сжал губы и бросил на него недовольный взгляд.

– Вопрос не в этом, – возразил он. – В настоящий момент мы боремся, чтобы помешать левым завладеть всем юго-востоком Азии.

Кристиан предпочел не пускаться в споры по этому вопросу. У Броуна всегда будут отличные аргументы против его высказываний, и это может завести его слишком далеко.

– Я постараюсь сделать все, чтобы меня не слишком замечали, – уверил он.

Броун быстро посмотрел на документ, лежавший около селектора.

– Самолет Военно-воздушных сил летит из Вашингтона в Сайгон в полдень, – заявил он. – Оттуда один из самолетов местной регулярной авиалинии доставит вас в Бангкок. Наш городской представитель будет ждать вас в аэропорту, чтобы ввести вас в курс дела, и сообщит вам все, что произойдет за время вашего пути.

Кристиан догадался, что свидание окончено. Он встал.

– Еще одна, последняя вещь, – проговорил Броун. Подозревайте всякого и каждого.

Глава 4

Аэропорт Дон Муанг жарился под палящим солнцем. А этот день термометр показывал не менее сорока градусов в тени.

Кристиан последовал за группой пассажиров к строению, возвышавшемуся по длине аэродрома и осуществляющему контроль за взлетной полосой. После относительной прохлады самолета жар, который исходил от неба и отражался от покрытия аэродрома, казался чем-то притупляющим.

Полет из Штатов прошел без всяких приключений, и промежуточные посадки по техническим причинам, необходимые перед перелетом через Тихий океан, не заняли много времени.

Самолет вылетел после полудня из Вашингтона и приземлился в Сайгоне в конце следующего дня.

После того, как были закончены все формальности с полицией и таможней, Кристиан направился к окошечку помещения «Туристской Организации Тайланда», чтобы поменять доллары на «тикали» и обзавестись различными брошюрами для туристов, в большом количестве предлагаемыми приезжающим иностранцам.

Пока он стоял с недоуменным видом, с документами в руках, мужчина лет сорока, одетый во все светлое, подошел к нему и поклонился, вопросительно глядя на него.

– Майор Фови? – спросил он.

Он широко улыбнулся.

– Мое имя Георг Максвелл.

Чтобы подтвердить его положение офицера в отпуске, Кристиана снабдили бумагами, подтверждавшими его чин майора и его службу во Вьетнаме.

– Как поживаете? – спросил Кристиан, пожимая его руку.

У Георга Максвелла был вид профессионального дипломата или представителя интернациональной компании, которые встречаются во всех четырех углах земного шара. И вместе с тем, в его лице еще было кое-что. Позади добродушно улыбающейся маски угадывался человек, который пережил немало весьма опасных ситуаций и который сумел выкрутиться из них, благодаря сведениям, полученным не на университетской скамье.

– Моя машина находится снаружи, – сказал он.

Он указал на выход.

Сопутствуемые носильщиком, который ожидал с чемоданами Кристиана, они прошли через холл и оказались во власти палящей и удушающей жары на улице. После того, как положив чемоданы в багажник и расплатившись с носильщиком двумя монетами по одному тикалу, Кристиан устроился рядом с Максвеллом на переднем сидении «Бьюика», тот немедленно отъехал и включил на максимум климатизатор.

– Что вам в точности известно? – спросил он, въехав на улицу, ведущую к Бангкоку, до которого, судя по объявлению, было от этого места двадцать восемь километров. Кристиан пожал плечами.

– По правде говоря, ничего, – ответил он. – Только то, что четыре человека позволили себя убить в течение нескольких часов, и что двое из них принадлежали к нашей стороне.

Максвелл закурил сигарету и предложил ему.

– После нескольких недель наблюдений нам удалось обнаружить, что один журналист по имени Валтер Нидерганг работал на стороне ФЛН, которые продавали свои информации вьетнамцам, – сказал он. – По роду своей профессии Нидерганг встречался с массой людей, среди которых были и военные, которые

снабжали его сведениями о расположении и активности наших баз в стране.

Он дал сигнал, чтобы старый фургон уступил ему дорогу, что тот и сделал, неосторожно свернув в сторону.

– После того, как мы взвесили все за и все против, мы решили с ними поступить по системе «длинной веревки», – продолжал Максвелл. – Судя по обстоятельствам, мы имели шанс накрыть всю организацию одним ударом или воспользоваться им, чтобы дезорганизовать Ханой.

– Вашингтон был в курсе? – спросил Кристиан.

– Я отправил рапорт, объяснявший различные возможности актуального состояния вещей, – ответил Максвелл. – Мне дали «карт-бланш». Я мог проникать глубоко в их организацию, но должен был сохранять наибольшую осторожность.

– И что же не вышло?

Максвелл сделал недоуменный вид.

– В сущности, я ничего не знаю, – признался он. – Мало-помалу нам удалось локализовать некоторое количество контактов Нидерганга. Мы также обнаружили, что он регулярно свои самые важные информации передавал одному бонзе Ват Фра Кео по имени Чикаторн.

Он обогнал целую колонну телег, в которые были запряжены быки с длинными рогами, и вздохнул.

– В первый раз, когда мы засекали Чикаторна, нам не удалось обнаружить, кому он передал информацию, – пояснил он. – Мы рассчитывали на свидание, которое состоялось позавчера, что оно приведет нас по цепочке к нужному человеку.

– И что же случилось?

– Двое наших людей проследили Нидерганга до Большого Дворца, ответил Максвелл. – Их звали Самак Прамаун и Тан Нийом. В то время как Самак

оставался снаружи, чтобы наблюдать за выходом Нидерганга, Тан должен был заняться Чикаторном сразу же после контакта. Нормально, они должны были объединиться, чтобы проследить за бонзой.

Он пожал плечами.

– Немного позднее Самак позвонил по телефону, чтобы предупредить, что в машину Нидерганга была брошена граната и что ему удалось проследить за убийцей. В тот момент он находился поблизости от антикварного магазина на Казем Род и наблюдал за ним.

Кристиан сделал гримасу. Это пахло ловушкой. Максвелл, видимо, прочел его мысли, потому что он бросил на него косой взгляд и тоже сделал гримасу.

– Это не я получил те сведения, а один из моих помощников, – пояснил он. – Он поручил Прамауну продолжать преследование.

Он горестно вздохнул.

– Его нашли в одном из каналов «клонго» в северной части города, продолжал он. Он был убит ударом ножа в спину, и, судя по ране, убийца был, безусловно, профессионал.

– Понимаю, – сказал Кристиан. – А другой?

– Его обнаружили в доках около национального музея, – сказал Максвелл. – Его убили пулей в голову, безусловно, из пистолета с глушителем.

– Вы считаете, что он пытался проследить за бонзой? – спросил Кристиан.

– Это возможно, – ответил Максвелл. – Чикаторна, вероятно, охраняли один или два человека, которых наш не заметил. Они и отделались от него. Кристиан согласился, что эта гипотеза была наиболее вероятной и логичной.

– А бонза? – поинтересовался он.

Максвелл сделал недовольную гримасу.

– Ни малейшего следа, сказал он. – Его выудили из реки недалеко от берега, где стоят государственные барки. Из рапорта полиции известно, что он умер не от утопления, хотя в легких у него и была вода. Полицейский врач, который производил вскрытие, считает, что смерть произошла из-за пули, которая вошла в спину и пересекла грудную клетку.

– Кристиан подумал, что было бы интересно сравнить эту пулю с той, которая явилась причиной смерти Нийома. Но нужно было довольствоваться тем, что было.

– Похоже на то, что он находился на каком-то судне, и что по какой-то причине в него стреляли, – заметил он. – Например, потому, что он пытался бежать.

Максвелл с задумчивым видом почесал себе нос.

– Такая возможность существует, – согласился он, – но не исключено, что его убили где-нибудь в другом месте, а потом бросили в воду, считая, что он уже мертв. Можно было найти и другие объяснения, но Кристиан предпочел в настоящий момент держать их в резерве. Бесполезно было напрягать мозги, так как все равно ничего нельзя было проверить.

– Полиция ничего важного не нашла ни у Чикаторна, ни в его персональном деле, – продолжал Максвелл. – Для них убийство остается необъяснимым.

– Никакого сопоставления не было произведено с покушением на Нидерганга и ликвидацией ваших людей?

Кристиан удивился.

– Насколько мне известно, нет, – ответил Максвелл. – Не забывайте, что труп бонзы был выужен в верхнем течении реки с промежутком в пол дня. В течение нескольких секунд Кристиан усиленно соображал по этому поводу.

– Вы сказали мне, что у Нидерганга была привычка передавать ему свои сведения, – заметил он. – А как это происходило?

Максвелл невесело улыбнулся.

– В другие разы он передавал ему конверт, – ответил он, – но на этот раз только один Нидерганг мог бы ответить на этот вопрос. Нидерганг мог отлично сделать и устный рапорт.

Предвидя возможные возражения Кристиана, он поспешил добавить:

– Если предположить, что он передал ему документы, то нужно также предположить, что те, которые захватили его и ликвидировали, забрали их. Я не представляю себе, чтобы он смог передать их... Кристиан должен был признаться, что он также не имеет об этом ни малейшего представления.

– Расскажите мне об антикварном магазине, куда пришел убийца после нападения, – сказал он.

– Он принадлежит одному китайцу из Кантона, которого зовут Ванг Мин, – ответил Максвелл. – Он закрыл лавку и сложил свой багаж раньше, чем мы собрались заняться им.

Кристиан подумал, что это была настоящая война. С другой стороны, тот факт, что разговор шел о китайце, еще ни о чем не говорил. Во всех странах юго-восточной Азии большая часть коммерции находится в руках китайцев и особенно кантонцев. – О нем что-нибудь известно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/arno_maks/provokaciya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)